

Сергей Лукьяненко — «Газете»

«У меня было желание прыгнуть выше головы»

Совершенно неожиданно для всех, меньше чем через два месяца после нового романа «Черновик» Сергей Лукьяненко выпустил четвертую часть своей самой знаменитой серии — «Последний Дозор». Книгу можно назвать рекордной по нескольким показателям. Во-первых, писалась она необычайно быстро, во-вторых, вышла небывалым для отечественной фантастики тиражом — более полумиллиона экземпляров. После презентации «Последнего Дозора» самый популярный российский фантаст ответил на вопросы корреспондента «Газеты» Марии Терещенко.

Вы писатель-фантаст, но «Дозоры», на мой взгляд, книжки не вполне фантастические.

Фантастические, что вы.

Тогда что для вас фантастика?

Фантастика — это любая литература, оперирующая сущностями, которых нет в нашем мире. То есть при большом приближении к фантастике мы можем причислить очень много чего. И «Мастер и Маргарита» — это фантастика, и даже сказки мы можем отчасти называть фантастической литературой. В общем все книги, описывающие то, чего в мире нет, не бывает, не может быть — это фантастика. Другое дело, что фантастика бывает научной — это когда имеются какие-то научнообразные объяснения. Допустим, вот полетели к звездам. В реальном мире звездолетов не существует, но теоретически описано то, как он может быть создан. Это научная фантастика. А когда объяснения, по сути, не даются, а какие-то явления описываются как данность — вот есть магия, есть волшебство, а как они работают, непонятно — это уже фэнтези, сказочная фантастика.

Но в «Мастере и Маргарите» фигурирует дьявол, откуда нам знать, существует он или нет.

Фигурирует дьявол, но в то же время это нельзя назвать христианской книгой ни в коей мере, конечно же. Это даже скорее антихристианская книга. Она оперирует частью христианской мифологии, даже ветхозаветной мифологией — в том числе дьяволом, но это не делает «Мастера» религиозной литературой. Это фантастика, где как прием использовано появление в Москве дьявола. Вот «Лев, колдунья и платяной шкаф» — «Хроники Нарнии», фильм по которому вышел только что на экраны, — это глубоко христианская книга. Надеюсь, и фильм такой же. Несмотря на то что по сюжету это идет как обычное фэнтези, но по построению, по использованию атрибутики, по нравственной позиции — это действительно христианское произведение. Такая замаскированная притча. А «Мастер и Маргарита» — это фантастика, оперирующая библейскими терминами.

Когда вы начинали «Дозоры», у вас возникали какие-то параллели с тем же «Мастером», с «Альтистом Даниловым»?

Скорее с «Альтистом Даниловым». Там и место действия немножко совпадает. Этот московский район — Останкино — уже получил благодаря «Альтисту Данилову» славу мистического. И «Альтист Данилов» написан

больше в таком жанре — фантастическом, магическом. С «Мастером и Маргаритой», конечно, меньше. Здесь совершенно другой подход. Если приводить какие-то ближайшие аналогии, то это «Альтист Данилов» и «Понедельник начинается в субботу» Стругацких. С «Понедельником» даже сделана иногда специальная шутивая перекличка.

У вас довольно неожиданный взгляд на противопоставление Света и Тьмы. Разница между ними оказывается не столь уж безусловной.

Вы знаете, это скорее восточный подход — такой дуализм. Европейская традиция, конечно, разграничивает Свет и Тьму какой-то жесткой стеной. Это Свет, это Тьма — шаг влево, шаг вправо, и ты оказываешься уже на какой-то стороне. Восток в этом плане гораздо мягче, спокойнее, может быть, немножко менее прагматичен. И даже толерантен. Слово «толерантность» касательно Востока обычно применимо с натяжкой, но в отношении Света и Тьмы оно действительно применимо. Здесь такой подход: и в Тьме есть свет, и в Свете есть тьма, и все это пересекается друг с другом.

Вы сразу начинали рассказывать историю с такой позицией или она сформировалась со временем?

Она сложилась сама собой. Видимо, из-за того, что я достаточно долго жил в Казахстане, а это все-таки Восток. И в менталитете людей, там выросших, живших, это чувствуется.

В «Последнем Дозоре» герои много путешествуют. Что это вдруг?

Во-первых, это отчасти попытка разнообразить место действия. Понятно, что можно было в Москве устроить приключений еще на десять книг. Это легко. Но, наверное, всегда элемент путешествий в книге добавляет интереса читателю — как тому, кто знает это место, так и тому, кто там не бывал. И я с большим удовольствием сделал экскурсию и на Восток, в Среднюю Азию, в Узбекистан, и в Шотландию.

Шотландия — это понятно. Но Узбекистан — все же неожиданный выбор. Могли бы его объяснить?

Дело в том, что в Узбекистане находятся одни из самых древних городов мира. Это древний Шелковый путь, связывающий цивилизации. Знаете, я даже на днях начал читать книжку одного из современных западных фантастов — называется «Амулет Самарканда». Вот, казалось бы, английский автор, далекий от всего этого, и то важнейшую роль в книге играет магический амулет, созданный в древнем Самарканде. И в книге встречаются

Фотограф: Глеб Шелкунов

упоминания и Самарканда, и Ташкента... Это Восток, это Азия, место с древнейшей культурой, историей. Если мы будем смотреть на эти страны с такой позиции, что это дикий, отсталый край, то мы будем не правы. Это просто немножко другая модель цивилизации, и считать, что она уступает нашей, будет неверно.

От вашего описания Самарканда возникает ощущение, что этот город чем-то близок лично вам.

Там я был всего один раз — в детстве. Я вырос и жил поблизости — в Казахстане. Но Узбекистан — это хороший край, хорошие, дружелюбные люди, и, естественно, я отношусь к ним с теплом.

То есть незадолго перед написанием книги вы не навещали Самарканд?

Нет. Знаете, есть замечательный такой фильм — «Великолепный», там издатель спрашивает писателя: «Вот вы описываете Ниццу, вы, наверное, там побывали?» — «Да нет, я работал по открыткам». Так и я отчасти работал по открыткам. Что-то вспоминал из своего детства, а в каких-то случаях забирался в Интернет, находил воспоминания людей, недавно посетивших Самарканд. Там всегда находятся какие-то живые моменты, воспоминания, которые позволяют создать четкую, живую картину. Я очень горжусь сценой, где Антон заходит в Ночной Дозор Самарканда, а там висит вывеска с надписью «Ночной Дозор». И вот отношение местных: ну висит вывеска и висит — ничего, не будут люди возмущаться, потому что просто такое учреждение. А с другой стороны, в том же здании, дверь в дверь — Дневной Дозор, потому что все равно друг за другом следим, так давайте поселимся так, чтобы было проще следить. Это действительно такая азиатская картинка.

А долина демонов — это реальное место?

Да, я не стал искать жесткую географическую привязку этой точки. Она расположена не совсем так, как я описал. Но в принципе в Узбекистане есть такое плато демонов, на котором лежат старинные огромные камни, напоминающие фигуры демонов.

С ними связаны какие-то легенды, но я не стал разыскивать эти легенды, а придумал свою, и она очень органично в этот текст легла.

В начале книги возникает ощущение, что в ней будет серьезная роль уделена Егору, а вы как-то бросили его...

Скажу честно, что бросил его немножко ошибочно. Я собирался в конце сделать еще одну сцену, она была запланирована. Там Антон с Надей идут по заснувшему городу и вдруг обнаруживают спящего Егора, который лежит, держа за руку Леру — ту девушку, которая потеряла своего парня. И становится понятно, что они встретились, подружились и, видимо, сейчас у них завяжутся какие-то отношения. Эта сцена у меня была, но когда я написал финал, понял, что она просто не ложится туда по ритмике. Получилось бы оттягивание конца — события уже завершились, и это смотрелось бы вставным эпизодом, неуместно. Так что я для себя, в уме, эту сцену оставил и, может быть, как-то ее реализую. Возможно, просто в каком-то коротком рассказе. Возможно, потом вернусь к тексту, посмотрю на него свежим взглядом, внесу правку и сделаю просто короткий рассказ про судьбу Егора.

Обычно каждое последующее продолжение нашумевшей книги все слабее и слабее. Как вам удалось сделать такой хороший «Последний Дозор»?

Знаете, во-первых, я почувствовал сам, что соскучился по этим героям. Я стараюсь не писать, пока этого не хочу. Для того чтобы написать хорошую книгу, главное — самому хотеть писать ее. Если тебе интересны все эти события, то они будут интересны и читателю. А второе... Я глубоко в это погрузился. Писал книгу очень быстро. Это был один рывок, который длился примерно сорок дней. На протяжении этого времени я просто каждое утро вставал и писал по 10–15–20 тысяч знаков. Это очень много. Как правило, писатели в таком темпе не работают. И я тоже обычно таких подвигів не совершаю. Но здесь у меня было желание прыг-

нуть выше головы, доказать себе, что я могу, что я умею, способен сделать такой сверхбыстрый проект — и сделать его качественно. По-моему, это удалось. То есть я погрузился в этот мир и в нем какое-то время жил. Видимо, этот эффект проникновения... У меня не было времени оторваться от книги, расслабиться, подумать о чем-то другом. Это шел один забег. Как марафон.

Бывают книги, которые пишутся как эстафета. Ну вот, к примеру, «Ночной Дозор», «Дневной» и даже «Сумеречный», они писались методом эстафеты. Я писал одну часть, делал паузу, приступал ко второй повести, делал паузу, потом брался за третью. Из-за этого получалась такая структура — три связанных между собой повести. А здесь был марафон, и времени передохнуть не было. Я поставил себе жесткие сроки, объявил издателю, что 5 декабря я сдам книгу. Издатель схватился за голову, сказал «не может быть», я сказал «нет, сдам». Издатели повесили трубку и стали судорожно закупать бумагу. Потому что понятно, интерес у издателя к этому проекту — огромный. И вдруг ни с того ни с сего автор заявляет, что через месяц выдаст новую книгу, и тем более к моменту выхода фильма. По-моему, до конца мне не верили, что я напишу ее за такой срок. Тем более что темпы моей работы знают. И знают, что я работаю медленнее.

